

© 2008 г.

В.А. КОЗЫРЕВ

АНТИЯПОНСКАЯ ВОЙНА И КИТАЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (1937–1945 годы)

В истории Второй мировой войны "азиатский" фронт традиционно привлекал внимание исследователей. Причиной тому – интерес к складыванию идеологии японского милитаризма и к выяснению причин агрессивной политики Токио в Восточной Азии, нацеленной с 1920-х годов на подрыв неустойчивого баланса сил великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создания там зоны особого японского "империалистического" контроля. Переход японских милитаристов к открытой агрессии в Китае в 30-х годах положил начало многолетней войне сопротивления, рассматриваемой в историографии как событие рубежное не только в эволюции китайской республиканской государственности, но и в воздействии войны на китайское общество. Примечательно, что к началу войны в Европе значительная часть Китая уже была не только оккупирована, но и, по сути, опутана сетью марионеточных режимов, символизировавших переход в этой войне от активной захватнической фазы к режиму оккупации.

В трудах отечественных исследователей основные политические, социально-экономические, международные аспекты сопротивления Японии традиционно являлись объектом серьезного изучения. В работах А.В. Меликсетова, В.С. Мясникова, Б.Г. Сапожникова, С.Л. Тихвинского, М.Ф. Юрьева¹ и других рассматриваются проблемы эффективности военно-административных мероприятий, мобилизации, социального подъема, патриотизма, миграции и коллаборационизма. Тем не менее изучение социальных последствий японской агрессии в Китае, проблем военно-исторической антропологии и социологии не было систематическим и целостным. Представляется, что настало время подвергнуть рассмотрению социологический "срез" войны китайского народа против японских захватчиков².

Козырев Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Публикуется журнальный вариант главы из подготавливаемого в ИВИ РАН к печати трехтомника "Война и общество".

¹ *Сапожников Б.Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М., 1970; *Новейшая история Китая. 1928–1949.* М., 1984; *Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945).* М., 1988; *Русско-китайские отношения в XX в. Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения, 1937–1945.* Кн. 1. 1937–1944 гг. М., 2000.

² В ряде фундаментальных изданий последних лет, в частности в работах В.Т. Анискова, С.И. Дробязко, О.В. Дружба, Н.А. Кирсанова, А.Ю. Попова, О.С. Поршневой, М.И. Семиряги, Е.С. Сенявской рассматриваются различные аспекты участия народа в войне, проблемы "человека воюющего", оценивается роль образов и представлений населения и военнослужащих в организации борьбы или отражении агрессии, воздействия социально-культурных традиций и идеологии на поведение участников вооруженных конфликтов: *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *ее же.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999; *Дружба О.В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону, 2000; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта. – Отечественная история, 2001, № 6, с. 60–75; *Мировые войны XX века, кн. 1–4.* М., 2002; *Попов А.Ю.* Из истории начального этапа партизанского движения. – Отечественная история, 2005, № 2, с. 71–75.

Исследование войны сопротивления японской агрессии (1937–1945 гг.), тем не менее, всегда осложнялось тем, что организация сопротивления агрессии была тесно связана с решением проблемы незавершенности процессов государственного строительства и социальной реконструкции квазитрадиционного китайского общества. Обеспечение национального выживания в условиях японской агрессии, таким образом, было тесно связано с результативностью усилий властей в деле повышения эффективности управления, преодоления отчужденности общественных структур от государства и, наконец, массовой мобилизации. Специфика Китая состояла в том, что политика государства в лице гоминьдановского режима или власти Коммунистической партии Китая (КПК), а также марионеточных правительств и ее социальные последствия во многом определялись региональными особенностями той или иной территориальной базы, накладывавшими существенный отпечаток на характер, ход и исход тех или иных преобразований или мобилизационных усилий.

Именно поэтому в изучении социологических аспектов китайско-японского конфликта особое внимание уделяется проблеме "географии войны", сложившейся вследствие японской оккупации и определявшей характер распределения ресурсов, размещения и активности гарнизонов и противостоявших противнику армий, мозаичности линии фронта, а также степени "резистентности" населения вызовам и трудностям войны, "податливости" местного социума мобилизационным усилиям управляемых этим населением правительственных структур.

В целом, анализ социальных последствий войны основывается на признании того, что с функциональной точки зрения война имеет как внешнее (формирующее международный порядок), так и внутреннее (объединяющее, связанное с усилением сплоченности общества) измерение³. В конкретных условиях Китая 30–40-х годов фактор войны как консолидирующей общество силы не может быть понятен без учета воздействия военной обстановки на эволюцию государства и его роль в регулировании общественных процессов.

Поэтому одним из ключевых является вопрос о способности правящей группировки (включая центральный и местные режимы) проводить политику, нацеленную на всеобщую военную мобилизацию нации и ведение "тотальной войны". Каким образом поиск путей к достижению национального согласия и социального единства влиял на характер политической и социальной мобилизации? Как воспринимали задачи войны различные социальные слои и группы? Для ответов на поставленные вопросы следует определить соотношение факторов мобилизации – общенационального патриотического подъема, проводимых социально-экономических реформ, легитимности "агентов власти" и степени их морального авторитета. Только тогда можно оценить глубину социальных сдвигов, произошедших в китайском обществе за годы войны.

ЯПОНСКАЯ ОККУПАЦИЯ И "ГЕОГРАФИЯ ВОЙНЫ"

Китайско-японская война расколола Китай на три больших территории: существовавшее с 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го, оккупированные в 1937–1938 гг. районы Северного, Восточного и Южного Китая, а также провинции "свободного" Китая, именуемые в литературе "Большим тылом". "Географическое измерение" политических процессов в Китае военного времени имеет чрезвычайно важное значение не только потому, что страна, по сути, не представляла собой к 1937 г. единой суверенной целостности, несмотря на формальное признание местными правителями-губернаторами легитимности Нанкинского правительства. Особое значение с точки зрения социальных последствий обусловленных войной перемен имело нарушение сложившейся к 1936 г. хрупкой социально-политической стабильности, как в центре, так и в отно-

³ *Malinowski B.* An Anthropological Analysis of War. – *American Journal of Sociology*, v.46 (1941), p. 521–550; *Park R.E.* The Social Function of War: Observations and Notes. – *American Journal of Sociology*, v. 46 (1941), p. 551–570.

шениях между центром и периферией. Глубина последствий эффекта "сжатия" пространства во многом определялась ходом военных действий, японской стратегией оккупации, а также спецификой взаимоотношений китайских политических элит и оккупационных войск.

Формирование японской политики в Китае можно рассматривать как закономерный процесс, корни которого уходят в эпоху раздела сфер влияния иностранных держав в разваливавшейся Цинской империи⁴. Противоречивое отношение японских властей к становлению республиканского Китая было во многом связано с тем, что Токио не поддерживал политику основных заинтересованных держав – США и Советской России, которые стремились к созданию единого Китая под своим собственным контролем. В конце 1920-х годов Япония руководствовалась во многом и экономическим интересом: капиталистическое развитие Японии в первой четверти XX в. требовало выхода на соседние рынки и влекло к поискам дешевого сырья, дешевой рабочей силы, для чего как нельзя лучше подходило соседнее китайское государство, раздираемое внутренними распрями региональных милитаристов. Экономическая экспансия Японии в Китае побуждала Токио создавать препятствия на пути объединения, делая все для того, чтобы Китай оставался некоей совокупностью территорий, с "самостийными" правителями, играя на противоречиях между которыми можно было добиваться выгоды. Это было принципиальной линией японских правительств, которая в итоге привела к захвату Маньчжурии в 1931 г. и созданию марионеточного государства Маньчжоу-Го, попыткам захвата Шанхая в начале 1932 г., а также к фактической аннексии части территорий Северного Китая в 1933–1936 гг. Обнародованные в октябре 1935 г. "три принципа Хирота" были нацелены на подрыв легитимности гоминьдановского правительства как общенационального. А агрессия Японии в Китае 1937 г. стала очередным этапом реализации вышеуказанной стратегии⁵.

Но истоки агрессивной политики Японии в Китае следует искать не только в экономическом интересе. Инициаторы захвата Китая рассматривали свои действия как часть глобального противостояния различных культур, столкновения цивилизаций, либерально-буржуазной и японской, с ее семейной системой, "групповым мышлением" и ценностями. Оказавшиеся у власти в Японии группировки, поддерживаемые населением, были уверены в необходимости формировать "новый порядок" в Азии, основанный на превосходстве японского национального характера, национальной политической системы и святости имперских институтов. Важным фактором также являлась "красная опасность", и в захвате Маньчжурии немалую роль сыграли намерения Токио противостоять усилению советского влияния в Китае и Монголии и превратить Маньчжурию в военный плацдарм.

В разворачивании войны сопротивления японской агрессии можно выделить несколько этапов. Первый этап начался 7 июля 1937 г. с произошедшего близ Бэйпина (Пекина) "инцидента у моста Марко Поло", вылившегося в столкновение подразделений 29-й армии Национального правительства с японскими войсками. 7 августа на созванной в экстренном порядке Всекитайской конференции по национальной обороне китайское правительство приняло решение о ведении всеобщей войны сопротивления агрессии Японии⁶.

⁴ Истоки японской политики в Китае раскрываются в работе М. Джансена: *Jansen M.B. Japanese Imperialism. Late Meiji Perspectives.* – The Japanese Colonial Empire. Princeton (New Jersey), 1984, p. 61–79.

⁵ *Gordon D.M. The China-Japan War, 1931-1945. A Historiographical Essay.* – The Journal of Military History, January 2006, № 70, p. 138. Принципиальный поворот Японии на развязывание войны был обусловлен действием мирового экономического кризиса начала 30-х годов, когда ухудшением экономического положения масс воспользовались милитаристские круги и ультранационалисты, полагавшие, что решения экономических проблем можно добиться через внешнюю экспансию.

⁶ *Chiang Kai-shek. The Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek. 1937-1945, v. 1.* New York, 1946, p. 36.

В ответ японцы решили провести локальную "операцию возмездия" и установить политический контроль в двух провинциях Северного Китая – Чахар и Хэбэй, с целью отделить Китай от Внешней Монголии и отрезать режим Чан Кайши от вероятной советской помощи в дальнейшем⁷. В целом сопротивление китайских армий было слабым, но активность китайских подразделений зависела все-таки от района и настроения командиров. Этим объясняется то, что темпы японского наступления были различными. Известен боевой успех китайских войск под Пинсингуанем (провинция Шаньси), когда 25 сентября 1937 г. подразделениями коммунистической 8-й армии вместе с армиями Гоминьдана удалось одержать победу над противником⁸.

С 17 августа 1937 г. центр военных действий переместился в ключевые провинции Восточного Китая – Цзянсу и Чжэцзян, являвшиеся основной территориальной базой гоминьдановского режима. Начало Шанхайской кампании ознаменовало второй этап войны сопротивления Японии. После почти четырехмесячной обороны крупнейшего портового центра Восточного Китая китайским войскам пришлось отступить. К началу ноября 1937 г. была проведена решающая операция по завершению окружения города, и ночью 11 ноября Шанхай пал⁹. Следует отметить, что только к началу ноября японское командование осознало важность нанесения решающего удара по столице гоминьдановского Китая – Нанкину, объявив восточно-китайский театр военных действий приоритетным. Японцы успешно высадились в районе ханчжоуской бухты и вынудили китайские войска к 11 ноября отступить на запад. Национальным правительством было принято решение об эвакуации правительственных учреждений в г. Чунцин (провинция Сычуань).

Сама оборона Нанкина была организована плохо, и 12 декабря японские передовые отряды ворвались в город и устроили расправу над мирными жителями, получившую наименование "нанкинская резня". По некоторым данным, в эти дни в Нанкине погибло от рук оккупантов от 60 до 340 тыс. жителей китайской столицы¹⁰. Это трагическое событие до сих пор остается "шрамом" войны и постоянным источником антияпонских протестов в Китае¹¹.

Шанхайская битва ускорила сближение основных политических сил Китая – Гоминьдана и КПК, что было нежелательным для японцев. Две партии в феврале 1937 г. обменялись телеграммами относительно "пяти принципов государственной политики" и "четырех гарантий", а в августе лидерам КПК – Чжоу Энляо, Чжу Дэ, Е Цзяньину – удалось убедить Чан Кайши в необходимости создания "единого фронта"¹². Такие внутривнутриполитические события, вместе с важными международными – подписанием 21 августа 1937 г. Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой, рас-

⁷ Rosinski H. The Strategy of the Sino-Japanese Conflict. – Pacific Affairs, March 1938, v. II, № 1, p. 35.

⁸ Китай в период войны против японской агрессии, с. 39.

⁹ China Handbook. 1937–1943. New York, 1943, p. 352–353.

¹⁰ История новодемократической революции в Китае (на кит. яз.), т. 3. Пекин, 1962, с. 30.

¹¹ *Daqing Yang*. Challenges of Trans-National History: Historians and the Nanking Atrocity. – SAIS Review, Summer-Fall 1999, v. 19, № 2, p. 133–47; *Chang Iris*. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York, 1997.

¹² Стороны за основу "единого фронта" в качестве основополагающих пунктов приняли "три народных принципа Сунь Ятсена": отказ КПК от попыток свержения Гоминьдана и проведения "советизации" и радикальной политики конфискации земель в деревне, поддержка единого общенационального правительства и "демократической практики", а также реорганизация частей Красной армии в составе единой Национально-революционной армии (НРА) под командованием Чан Кайши. 22 августа коммунистическая Красная армия переименовалась в 8-ю армию НРА (с сентября стала называться 18-й группой армий), которая под командованием Чжу Дэ в составе 115-й, 120-й и 129-й дивизий численностью 460 тыс. солдат и офицеров вошла в структуру второго военного округа. В октябре разрозненные партизанские отряды в Южном Китае, подчиненные КПК, были объединены в "Новый 4-й корпус" под командованием Е Тина (10 тыс. человек) и стали также частью НРА: Китай в период войны против японской агрессии, с. 14–15; *T'ien-wei Wu*. The Chinese Communist Movement. – In: China's Bitter Victory. The War with Japan 1937–1945. New York – London, 1992, p. 80.

ширением военно-технической поддержки гоминьдановского правительства со стороны СССР, способствовали, вопреки ожиданиям японцев, более решительному настрою китайского командования в пользу продолжения войны¹³.

Важным этапом японского наступления в начальный период войны стала битва 23 июля – 25 октября 1938 г. за г. Ухань¹⁴, игравший роль временной столицы после падения Нанкина, а также захват Гуанчжоу – крупнейшего портового центра на Юге Китая. В Токио было принято решение принудить Национальное правительство отступить на Юго-Запад Китая¹⁵. Между тем на развитие событий в Китае с лета 1938 г. стали влиять существенные международные события. В июле – августе японские войска были разгромлены на советской территории у оз. Хасан. В Европе назревал кризис вокруг Чехословакии, завершившийся подписанием 30 сентября Мюнхенского соглашения. В Китае стали ожидать начала большой войны между державами, надеясь также, что Япония откроет второй фронт против СССР¹⁶. А в канун японского наступления в Гуандуне в Японии на пост министра иностранных дел в конце сентября пришел Хачиро Арита, считавшийся сторонником активного вытеснения из Китая США и Англии.

Это было началом следующего этапа в ходе войны сопротивления. Захватив основные центры Восточного и Южного Китая, японское командование приняло решение о прекращении широкомасштабных наступательных операций в Китае, сосредоточив усилия по выстраиванию послушной китайской администрации на захваченных территориях. Фактически, начиная с октября 1938 г. по апрель 1944 г., в войне сопротивления наступил период "затишья", или "равновесия", в котором каждая из противоборствующих сторон пыталась сохранить свои силы для дальнейшей борьбы. После начала войны в Европе японское командование изменило свою тактику "овладения" Китаем, уделяя внимание решению проблемы создания коллаборационистских марионеточных режимов на оккупированной территории. Именно поэтому к середине февраля 1940 г. Япония вывела часть своих войск из Китая, были оставлены некоторые занятые ранее центры на юге страны, в частности г. Наньнин в провинции Гуанси¹⁷.

Практически вплоть до весны 1944 г. на фронтах не было крупных операций. Помимо неоднократно предпринимавшихся во второй половине 1941 г. неудачных попыток захватить Чанша, можно упомянуть о серии операций японских экспедиционных войск, нацеленных на уничтожение баз американской авиации и соотвествующей инфраструктуры. Пожалуй, наиболее значимыми из таких операций были бои в провинциях Чжэцзян и Цзянси в мае 1942 г.¹⁸ К 1944 г. китайский фронт стал играть важную роль в японском плане организации активной обороны на Тихом океане. План японского на-

¹³ Русско-китайские отношения в XX в. Материалы и документы, т.IV, кн.1, с. 88–89. Сразу после подписания договора советское правительство приняло решение об оказании помощи Китаю: во второй половине ноября 1937 г. в адрес китайского правительства были отправлены два судна с военными грузами, необходимыми для ведения боевых действий: Китай в период войны против японской агрессии, с. 30.

¹⁴ В сражении за Ухань НРА стала получать уже существенную помощь СССР. Помимо летчиков-добровольцев (с осени 1937 г.), с начала июня 1938 г. в китайских войсках стали работать советские военные советники (около 450 человек) во главе с М.И. Дратвиным, а с лета 1938 г. А.И. Черепановым: Новейшая история Китая. 1928–1949, с. 218–221. Среди военных советников было немало выдающихся военачальников – В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, П.Ф. Батицкий, А.И. Черепанов, А.Я. Калягин и другие. См. Чудодеев Ю.В. Подвиг в небе Китая. – В кн.: В небе Китая. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980.

¹⁵ 13 июля 1938 г. было созвано специальное совещание японского кабинета, на котором было решено блокировать морские коммуникации Китая, обеспечить захват крупнейших портов, в частности, Уханя (на р. Янцзы) и Гуанчжоу.

¹⁶ Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае). М., 1979, с. 233.

¹⁷ Там же, с. 190.

¹⁸ Тогда 170-тысячный контингент японских войск за две недели прошел через провинцию Чжэцзян, оккупировав ряд городских центров. Однако к осени 1942 г. почти все ключевые пункты, захваченные японцами, были возвращены под контроль китайской армии, причем японцы понесли тяжелые потери: China Handbook, 1937–1943, p. 365–367.

ступления в Китае "Итиго" был нацелен на противодействие американским войскам, на захват коммуникаций с Южным Китаем (в первую очередь, Ханчжоу – Гуанчжоускую и Юньнань – Бирманскую железные дороги), а также на уничтожение аэродромов базирования американской бомбардировочной авиации. Этот план был успешно реализован: японцы открыли для себя сквозной путь из Кореи в Индокитай, и Китай после поражения в ходе выполнения плана "Итиго" в стратегическом отношении перестал быть существенным военным фактором в войне союзных сил на Тихом океане¹⁹.

Заключительным этапом войны сопротивления стал разгром японского империализма. Усилия мощной группировки войск Советской Армии на Северо-Востоке Китая не только обеспечили разгром основных сил Квантунской армии, но и дали оперативную свободу подразделениям 8-й армии, тем самым обеспечив превращение освобождаемой территории Маньчжурии в основную территориальную базу КПК. Складывалась новая ситуация, приведшая впоследствии к началу гражданской войны между Гоминьданом и КПК, получавшей поддержку из Москвы.

"БОЛЬШАЯ ЭВАКУАЦИЯ" И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Вторжение японских интервентов на территорию Китая в 1937–1939 гг. стало беспрецедентным по своим масштабам и последствиям. Эта агрессия стала проверкой не только способности власти дать отпор внешнему вмешательству, но и умения справиться с колоссальным "социальным стрессом" – как с точки зрения методов государственного управления, так и в плане перевода многих доселе местных задач в разряд национальных. Важнейшими факторами этого "стресса" являлась вынужденная эвакуация вглубь территории страны в 1938–1939 гг., а также миграционные процессы.

Следует уточнить, что, несмотря на железнодорожную связь между южными и северными провинциями Китая (например, посредством Пекин – Ханчжоуской железной дороги), в Китае отсутствовала сколько-нибудь развитая инфраструктура помимо традиционной речной и морской навигации. Поэтому глубинные провинции Китая находились в изоляции, хотя для местных политических и деловых элит существовало весьма ограниченное воздушное сообщение²⁰. В целом же, зачастую регионы развивались довольно автономно, промышленный капитал восточных провинций практически не доходил до западных²¹ и только программы модернизации местных милитаристов обеспечили к началу войны наличие небольшого индустриального потенциала в таких провинциях, как Юньнань, Сычуань, Гуанси и Гуйчжоу. Общие показатели этого региона не превышали 6% общенационального (около 234 мелких предприятий)²².

Подобная неравномерность размещения промышленной производственной базы, которая в довоенные годы была сконцентрирована в пяти провинциях Центрального и Восточного Китая (Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь) и четырех крупнейших городах восточной части страны (Тяньцзинь, Вэйхай, Циндао и Шанхай), предопределяла степень урбанизации и особенности социальной структуры в различных регионах. Объявленная в сентябре 1937 г. эвакуация предприятий сначала в Хунань и Цзянси, и затем – в юго-западные провинции (Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Хунань, Гуанси) – способствовала не только перемещению части механизированной производственной базы в аграрные районы, но и приходу в тыловые провинции тысяч

¹⁹ История Второй мировой войны. 1939–1945, т. 2. М., 1974, с. 73.

²⁰ Например, жителю Юньнани, чтобы попасть в Шанхай, приходилось неделю добираться по железной дороге в Ханой, затем морем еще неделю плыть до Шанхая. Сычуаньцу можно было добраться от Чунцина в Ухань и Шанхай по Янцзы, но и это путешествие могло растянуться до 7–10 дней.

²¹ У. Кирби приводит данные, согласно которым территории юго-западного тыла потребляли всего около 4% электроэнергии в стране, а 4% промышленного капитала в Китае было инвестировано в 14 провинциях "свободного Китая": Kirby W.C. The Chinese War Economy. – China's Bitter Victory, p. 191.

²² Гун Биньчэн. Общая оценка эвакуации во внутренние районы в период войны и ее влияния на западные окраины (на кит. яз.). – Сборник социальных наук, вып. 2 (163), 2006, с. 164.

представителей предпринимательской прослойки, квалифицированных рабочих и интеллигенции. Известно, что вместе с оборудованием, на юго-запад было перемещено около 42 000 работников промышленных предприятий и столько же студентов²³. В целом промышленный потенциал неоккупированного Китая оставался, однако, незначительным. Так, в 1943 г. в гоминьдановском Китае военных лет объем промышленной продукции составил всего лишь более 12% от довоенного уровня производства Китая²⁴.

Важное значение имела также эвакуация высших учебных заведений. Из 108 университетов треть переехала с севера в южные районы, причем некоторые университеты были вынуждены менять свое месторасположение более трех раз. В результате в Сычуани в годы войны оказалось 37 университетов, в Хунани – 12, Юньнани – 10, Шэньси – 7, Гуйчжоу – 10. К концу войны в 141 университетах страны обучалось более 80 тыс. студентов, что оказалось вдвое больше, чем довоенный показатель²⁵.

В целом можно говорить о трех миграционных кампаниях в военный период. Во-первых, это военная мобилизация Национальной армии, которая была тесно связана с перегруппировкой сил под командованием региональных милитаристов, формально входивших в единую структуру. Во-вторых, отток населения за рубеж, вместе с приездом в Китай бежавших из оккупированных японцами стран Восточной Азии корейцев и евреев. В-третьих, это, безусловно, "большая эвакуация" населения из восточных районов в тыловые провинции юго-запада – Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу²⁶.

Следует констатировать, что статистика учета массовых миграций весьма противоречива и ненадежна. Послевоенные официальные источники приводили цифру в 95 млн. человек, вынужденных бежать с мест постоянного проживания. Известный социолог военного времени Чэнь Да в своих расчетах ограничивался 30 млн. беженцев, хотя в литературе отмечается, что с учетом незарегистрированных переселенцев численность таковых могла достигать и 45 млн. человек, причем эти перемещения в целом завершились вместе с окончанием активной фазы войны в 1940 г.²⁷ Вероятно, что в приведенную выше цифру входили так называемые "локальные" мигранты: в большинстве своем люди все-таки не стремились уходить слишком далеко от родного дома, зачастую городские жители спасались в окрестных деревнях.

Часто причиной ухода представителей городских слоев в тыловые районы были террор и невыносимые экономические или психологические условия существования. Конечно, студенты опасались репрессий со стороны оккупантов, внимательно следивших за проявлениями студенческого протеста. Но нередко причины ухода на юг в начале войны заключались в изменении привычной среды, образа жизни. Например, к эвакуации молодежи из Бэйпина, где располагались до войны крупнейшие университеты Китая, побуждало засилие японской цензуры в СМИ. Многие известные китайские газеты Бэйпина и Тяньцзиня ("Хуабэй жибао", "Шицзе жибао", "Бэйпин чэньбао", "Дагунбао" (Тяньцзинь) и др.) прекратили свой выпуск и население жаловалось, что теперь им "нечего читать"²⁸.

Рост потока беженцев из сельских районов увеличивался по мере подавления японскими карателями партизанского сопротивления в Северном и Центральном Китае. Часть из них оказывалась также и на территории, контролируемой КПК. Эти беженцы – крестьяне из Северного Китая готовы были терпеть тяготы и лишения, уходя от японских "зачисток". Но отметим парадоксальный факт: несмотря на опасения постра-

²³ Kirby W.C. The Chinese War Economy, p. 190.

²⁴ Ibid., p. 191.

²⁵ *Сюй Голи*. Роль и значение перемещения вузов страны в тыловые районы в годы войны (на кит. яз.). – Аньхойский исторический вестник, 1996, № 4.

²⁶ Подробнее о волнах миграции в годы войны см.: *Lu Liu*. A Whole Nation Walking: The "Great Retreat" in the War of Resistance, 1937–1945. Ph.D. Dissertation: University of California. San Diego, 2002.

²⁷ *Chen Da*. Population in Modern China. Chicago, 1946, p. 61–68.

²⁸ О судьбах интеллигенции в период войны см.: *Маркова С.Д.* Китайская интеллигенция на изломах XX века. М., 2004.

дать от японцев, многие возвращались в оккупированные районы ради возможности подработать²⁹, т.е. большинство вынужденных мигрантов старалось поскорее вернуться к местам постоянного проживания, сравнительно быстро восстанавливая местные сообщества. Так, буквально в течение шести месяцев после расправы японцев над жителями Нанкина ("нанкинская резня") большинство городских жителей вернулось в город. М. Эйхголт приводит данные, согласно которым в конце 1938 г. в пределах городских стен Нанкина проживало около 360 тыс. человек, тогда как, по данным британских наблюдателей, еще в апреле того же года в Нанкине проживало около 221 тыс. человек³⁰.

Уход жителей из родных мест вследствие оккупации привел к ослаблению местных земляческих ассоциаций, являвшихся ключевыми в регулировании общественной жизни. В результате зависимость беженцев от государственной опеки усиливалась. Неспособность чунцинской власти организовать должным образом прибывающие массы мигрантов и обеспечить их необходимым прожиточным минимумом в конце концов подрывала веру в дееспособность и эффективность власти гоминьдановской партии.

ВОЙНА И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ: ФЕНОМЕН КПК

Многообразие социальных явлений и форм социально-политической организации в различных регионах Китая не позволяет детально охарактеризовать те условия, в которых вели борьбу противостоявшие на полях сражений военно-политические силы. Тем не менее, особенности разложения традиционной государственности, ставшие очевидными уже в "нанкинский" период, позволяют выделить общие тенденции, которые в разных формах реализовывались в бурные 30–40-е годы.

Ключевой проблемой любой власти в Китае первой половины XX в. была неэффективность политического и социального контроля. Эта особенность функционирования республиканского государства была связана с незавершенным вплоть до 1949 г. процессом борьбы за влияние на местное население между новой республиканской властью и сохранявшими значительный ресурс так называемыми "сельскими элитами", обладавшими целым набором средств воздействия на экономическую, социальную и духовную жизнь местных коллективов. Важно заметить, что роль и влияние неформальных структур в деревне зависели от региональной специфики, социальной и культурной традиции в той или иной местности, но важной особенностью этих структур было сочетание военно-защитных и гражданских функций, причем по мере ослабления централизованного государства эти местные элиты стремились законсервировать саму модель отношений с официальной властью таким образом, чтобы любые мобилизационные усилия бюрократии – в налоговой ли сфере, либо в организации сопротивления агрессорам – не могли обходиться без заинтересованного участия в этом со стороны деревенской верхушки.

КПК первая стала целенаправленно вести поиск опоры в деревне с целью завоевания общенациональной политической власти. Оказавшись в середине 1930-х годов практически в изоляции, коммунисты сумели соединить социальные и общенациональные задачи в период войны ради собственного становления в качестве самостоятельной и влиятельной политической силы. Годы радикальных экспериментов в период "советского движения" конца 1920-х годов принесли КПК колоссальный опыт социальной мобилизации и политической борьбы с консервативными элитами на местном уровне.

Способность коммунистов пробуждать протестный потенциал огромных деревенских масс, страдавших в 20–40-е годы от разрушения традиционного аграрного хозяйства и подрыва казавшихся незыблемыми социальных институтов, вылилась в успешный эксперимент, получивший наименование "народная война". Уходившая корнями в

²⁹ Владимирцов П.П. Особый район Китая. М., 1974, с. 92.

³⁰ Eykholt M. Living the Limits of Occupation in Nanking, China, 1937–1945. Ph.D. Dissertation: University of California. San Diego, 1998, p. 118–199. Данные по апрелю цитируются по работе: Lu Liu. Op. cit., p. 20.

революционную формулу "деревня окружает город" стратегия народной войны, по сути, оказалась наиболее эффективным методом выживания в условиях недостатка ресурсов и слабых военно-стратегических возможностей.

Эта стратегия, основанная на принципе взаимного единства крестьянства, партии и армии, включала в себя программу широкомасштабной крестьянской партизанской войны. Партия-армия претендовала на то, чтобы стать надежным защитником деревенского населения от местных и иностранных врагов. Но и "защитник" нуждался в постоянной социальной поддержке со стороны крестьянских масс. Сформулированная Мао Цзэдуном в начале 1940-х годов "линия масс" содержала в себе такой элемент, как участие партии и армии в экономической жизни народа, реализации нужной народу экономической политики.

Вступив в войну, коммунисты вооружились, как говорил Мао Цзэдун в 1939 г., "тремя стратегиями", обеспечившими победу в национально-революционной борьбе: тактикой единого фронта (с 1937 г. под влиянием Коминтерна), стратегией партийного строительства, а также стратегией ведения вооруженной борьбы с врагом³¹. Руководство КПК было нацелено на умелое сочетание социальной мобилизации населения на националистической волне антияпонского сопротивления и продуманных и настойчиво проводимых реформ в социально-экономической сфере.

Особое внимание КПК уделяла расширению территориальной базы своего непосредственного влияния, направляя поддерживаемые военными подразделениями отряды партийных и хозяйственных кадров для закрепления в труднодоступных районах на стыках провинций Северного Китая. Помимо постоянных пограничных районов создавались также опорные базы и партизанские зоны³².

Коммунисты прибегали к традиционным методам массовой мобилизации, в основном, связанной с обеспечением "общественных работ", в том числе сельскохозяйственных. Начиная с 1939 г. регулярно проводились кампании по повышению производительности, когда специальные отряды по "освоению земель" заставляли крестьян обрабатывать своеобразную барщину на общественных полях. Попытки властей организовать кооперативы и группы взаимопомощи часто превращались в средства контроля со стороны партийных кадров на местах³³.

Миграционная программа КПК на подконтрольных территориях имела важные социальные последствия. Например, в район Шэньси, Ганьсу, Нинся за период с 1937 по 1943 гг. мигрировало около 250 тыс. человек (часть из них была перемещена усилиями КПК из районов Шэньси, находившихся под административным контролем Гоминьдана). Организация работы с беженцами требовала создания соответствующих социальных служб и организаций программ социальной помощи. Для обеспечения пришельцев занятостью стимулировалось расширение практики свободной аренды участков у землевладельцев в деревне; в сочетании с государственным вспомоществованием многие становились самостоятельными арендаторами на новой земле, зачастую воплощая на практике различные варианты организаций групп взаимопомощи³⁴.

³¹ См. *T'ien-wei Wu*. Op. cit., p. 79.

³² Основной территориальной базой КПК с 1935 г. стал район Шэньси, Ганьсу, Нинся со столицей в Яньани, именовавшийся с 1937 г. "особым". В сентябре – ноябре 1937 г. в ходе борьбы с японцами было образовано несколько районов: Шаньси, Чахар, Хэбэй в горах Утай; Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань вдоль гор Тайхан; Шаньси, Суйюань в уездах Нин'у и Шэньчи; база в провинции Шаньдун. В Центральном Китае было образовано 8 баз, в основном, на территории провинций Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян, на стыке провинций Хубэй, Хэнань, Аньхой. Две базы были созданы и на юге – в провинции Гуандун и на о. Хайнань. К концу войны таких районов, контролируемых КПК, насчитывалось от 19 до 22. См. *Цзян Ши*. Анализ и оценка социальных сдвигов в антияпонских опорных базах Северного Китая (на кит. яз.). – Исследования по истории войны сопротивления Японии, 2000, № 2, с. 98–111.

³³ *Keating P.* Getting Peasants Organized: Village Organizations and the Party-State in the Shaan Gan Ning Border Region, 1934–1945. New York, 1985, p. 35–36.

³⁴ *Ibid.*, p. 37.

При проведении фискальной политики учитывался мобилизационный аспект: до 1942 г. давление власти на деревню было настолько тяжелым, что даже в развернутой коммунистами политической кампании "по исправлению стиля" было указано на необходимость "демократизации" фискальной политики. На деревенском уровне стали выбирать группы крестьян, призванных вести тщательный учет обрабатываемых площадей и получаемого урожая, для обеспечения правильного налогообложения. Вводился принцип "коллективной ответственности" за выплачиваемый земельный налог, который, вместе со снижением налоговых квот, позволял распределить бремя и снизить остроту взаимного противостояния власти и крестьян.

Безусловно, эффективная фискальная и земельная политика особенно нужны были для властей в пограничных районах и антияпонских опорных базах для решения первоочередных задач выживания и ведения войны сопротивления. Но нельзя упускать из виду, что необходимость эффективной экономической политики диктовалась также стремлением КПК преодолеть кризис социальной организации крестьянства, основанной на институте патриархальной семьи. Активная земельная политика, нацеленная на поддержку середняцких хозяйств и укладывавшаяся в рамки аграрной программы Антияпонского единого фронта с Гоминьданом, оказалась действенной для создания социальной опоры "народной войны"³⁵.

Коммунисты проводили большую работу, нацеленную на консолидацию местного населения под лозунгами антияпонской борьбы и общественного порядка. Для этого на места направлялись подготовленные кадры для вытеснения старых элит из управленческих структур и "окрестьянивания" административной работы с привлечением деревенских активистов³⁶. По мере расширения опорных баз шло изменение кадровой и административной структуры на местах за счет проникновения военнослужащих 8-й армии и Нового 4-го корпуса³⁷.

На территорию базы переезжали и представители городской молодежи, которые потенциально становились кадровым резервом КПК. Так, в Антияпонском университете (Канда) почти 78% студентов составляли выходцы из других провинций (за пять выпусков свыше 10 тыс. чел.). Известно также, что в годы войны на территории района было подготовлено более 40 тыс. профессиональных военных (в том числе в Военно-политической Академии с ее 20 филиалами), 10 тыс. работников медицинских служб, свыше 1000 технических специалистов и деятелей культуры³⁸.

КПК принимала меры по ограничению влияния на крестьян так называемых "феодальных представлений", связанных с "узкоклановым местническим мышлением", привычкой подчиняться шэньши (местные влиятельные помещики. – В.К.), а также с распространением многочисленных традиционных привычек и суеверий. Для этого усиливалась кадровая работа, заменялись местные администраторы, упрощался стиль жизни партийных кадров, крестьянину прививалось чувство национальной принадлежности и

³⁵ Ошибки в отношении середняцких хозяйств стали исправлять еще в период создания советских районов в начале 30-х годов.

³⁶ Для этого на деревенском уровне проводились выборы старост, но не на основе старых групп круговой поруки, а на основе вновь организованных коммунистами звеньев и групп крестьян.

³⁷ Например, в конце 1940 г. в Шэньси, Ганьсу, Нинся численность военнослужащих увеличилась до 31 тыс. человек, а в апреле 1944 г. таковых насчитывалось более 60 тыс. Мигрировавшие рабочие из оккупированных городов также обеспечивали рост численности этой категории населения – в провинциях Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань численность наемных рабочих увеличилась с 450 тыс. в начале войны до 660 тыс. в 1947 г., хотя в целом в процентном отношении численность рабочих в указанном районе составляла лишь 2,5% от населения в 28 млн. человек: Ху Юэин. Первичный анализ механизма социального единения на территории антияпонских опорных баз в период войны Сопротивления. – Бюллетень Института Ханьдань, март 2006, вып. 16, т. 1, с. 53.

³⁸ Ли Хайсинь. Описание работы партии по налаживанию взаимосвязей с различными социальными группами в период войны с Японией (на кит. яз.). – Вестник Института проблем социализма (провинции Хэбэй), 2004, № 2.

патриотизма. Целенаправленно прилагались усилия для распространения практики "народных судов" в соответствии с "линией масс" и официально принятым законодательством, что подрывало основы прежней системы автономного судопроизводства в рамках сельских коллективов, где особая роль принадлежала деревенской верхушке³⁹. Известно, что новые власти в опорных базах создавали условия для разворачивания женских движений, выступавших за свободу брака, производственной деятельности и участия женщин в политике.

В успехе консолидирующих мероприятий КПК необходимо учитывать роль армии, которая строилась на принципах общенациональной идеологии и "единой семьи". Для многих служба в армии становилась не только способом выживания, но и карьеры. В создаваемых повсеместно административных подразделениях роль армии была ключевой, хотя формально их участие в органах власти не должно было превышать 30% от кадрового состава управленческих звеньев. Повышение престижа и роли коммунистической армии сказалось и на таком важном аспекте социальной жизни в деревне, как взаимоотношения между поколениями. В армии существенно возросла роль молодежи, которая могла играть более важную, чем старшее поколение, политическую роль. Американский журналист Э. Сноу писал, что средний возраст военнослужащих 8-й армии был 19 лет⁴⁰. К 1945 г. четверть членов ЦК КПК была офицерами Красной Армии, многие пришли к партийной власти через военную карьеру. Возникла новая политическая культура коммунистов, основанная на тесном воинском братстве⁴¹. Привлекательность службы и роль армии стали причиной небывалого роста численного состава коммунистических вооруженных сил. Вступив в войну в 1937 г. с 40-тысячной армией, КПК в 1945 г. вышла из нее, обладая уже миллионной дееспособной армией.

Эволюция власти коммунистов в Северном Китае во время войны демонстрировала небывалый взлет авторитета и влияния КПК. Население контролируемых КПК территорий увеличилось за годы войны с 1,5 млн. до 100 млн. человек, причем сама зона этого контроля расширилась с 92 тыс. до 950 тыс. кв. км. Известно и то, что сама партия в результате войны выросла с 40 тыс. до 2,7 млн. членов. Развитие освобожденных районов и антияпонских опорных баз, находившихся под контролем КПК, показало способность коммунистов добиться беспрецедентного "проникновения" вглубь деревенской организации, при этом они сумели подтолкнуть массы к добровольному участию в процессах национального освобождения и создания новых структур власти. Стремясь сочетать элементы этатизма и националистического популизма, яньаньские лидеры сочетали традиционный деревенский коллективизм и методы классовой борьбы, направляя протестный потенциал крестьянства в нужное русло. Влияние КПК возрастало по мере прогресса в деле создания партийной иерархии на местах, механизма спонтанной мобилизации для решения насущных задач, а также оживления близкой крестьянскому сердцу идеи самодостаточной автономной хозяйственной единицы, способной добиваться определенного экономического роста.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НА ГОМИНЬДАНОВСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Война обычно сама по себе становится предпосылкой для милитаризации экономики и государства, вынужденного прибегать к жестким формам контроля и распределения материальных ресурсов. Зачастую это приводит общество в состояние, названное Х. Лассвеллом "военизированным государством", в котором принятие решения узурпировано узкой группой людей, связанной с обеспечением безопасности⁴². Возникли ли в

³⁹ Цзян Ши. Указ. соч., с. 108; Hsia Tao-tai. Wartime Judicial Reform in China. – China's Bitter Victory, p. 285.

⁴⁰ Snow E. Red Star Over China. New York, 1968 (reprint 1938), p. 258–259.

⁴¹ Stacey J. Patriarchy and Socialist Revolution in China. Berkeley (Calif.), 1983, p. 154–155.

⁴² Lasswell H. Essays on the Garrison State. New Brunswick (New Jersey) – London, 1997, p. 55–76.

Китае тех лет условия для реальной диктатуры Чан Кайши, или, как прозвали гоминьдановский режим коммунисты, "фашистской клики четырех семейств"? Были ли в наличии предпосылки социального, экономического, морально-политического характера (лежащие в сфере политической культуры) для перехода государства к тоталитарному состоянию как ответ на "чрезвычайную" ситуацию? Стали ли культивируемые режимом "символы национализма" и политические мифы реальной основой для подчинения государством общества, населения, безропотно поддерживавшего воюющий режим?

О высокой степени милитаризации китайского общества военных лет можно говорить лишь с точки зрения наличия и роли военных группировок в трудном продвижении страны по пути модернизации. Иными словами, милитаризация гоминьдановского общества рассматривается скорее в контексте классической теории "государственного становления", нежели с точки зрения уровня участия населения в приготовлениях к войне, когда военная служба и безопасность нации становятся "священными ценностями", разделяемыми гражданами-патриотами⁴³. О такой "милитаризации" общества в Китае 40-х годов можно было говорить лишь частично, поскольку основная масса населения воспринимала войну как продолжение серии бесконечных конфликтов и катаклизмов.

Как оценивать тогда характер и степень централизации власти в начальный период войны? Как в новых условиях менялась роль государственных институтов, в частности, в сфере социального и экономического регулирования? Самой существенной предпосылкой, повлиявшей на этот процесс, стал драматический отрыв военно-политической бюрократии от подпитывавшей ее в прежние годы социально-экономической и политической основы наиболее развитых в экономическом отношении прибрежных районов Китая. После переезда в Чунцин Национальное правительство столкнулось с огромными трудностями, которые были вызваны даже не военным вторжением японцев, прекративших в конце 1940 г. активные наступательные операции, а скорее экономическими потерями после ухода правительства в периферийные юго-западные районы. Переезд на Юго-Запад лишил гоминьдановскую казну основных источников финансовых поступлений, традиционных для "нанкинского периода": по сравнению с 1937 финансовым годом таможенные поступления от соляного сбора и акцизов уменьшились во второй половине 1938 г. в 5 и в 2 раза соответственно⁴⁴. Таким образом, были нарушены сложившиеся в предшествующее десятилетие регионально ориентированные финансовые и экономические механизмы. В сложившихся условиях Национальное правительство вынуждено было пересмотреть свою экономическую стратегию, обратив главное внимание на аграрные районы страны.

Главной задачей предпринимавшейся Гоминьданом реорганизации административной системы стала централизация управления сверху и построение действенной и лояльной центру управленческой системы с устойчивыми вертикальными связями. Новый курс гоминьдановской власти, основы которого были заложены Чрезвычайным съездом партии в марте – апреле 1938 г., на первый взгляд сильно напоминал большевистскую политику: предусматривались меры для введения всеобщего партийного контроля, в том числе и над общественными организациями (профсоюзами, организациями торговцев и проч.). Гоминьдан, таким образом, декларировал свое стремление выступать всеобщим арбитром социальной жизни, на базе поддерживаемого партией местного самоуправления. Кроме того, было предписано создавать подготовительные комитеты по осуществлению местного самоуправления с участием членов партийного органа и "представителей масс" на местах с целью их сближения и выработки новых форм взаимоотношений с населением⁴⁵.

⁴³ Regan P.M. Organizing Societies for War: The Process and Consequences of Societal Militarization. Westpoint (Conn.) – London, 1994, p. 10–11.

⁴⁴ Расчет произведен на основании данных, приводимых финансовым советником национального правительства А. Янгом: Young A.N. China's Wartime Finance and Inflation, 1937 – 1945. Cambridge (Mass.), 1965, p. 4–5, 14.

⁴⁵ Young A.N. Op. cit., p. 335.

Но внешнее сходство с большевистской системой заканчивалось на уровне идеологии партийного "единоначалия" и декларативных проектов. По сути, центральной власти "в изгнании", также как и японцам в Восточном Китае, пришлось прибегнуть к уже годами отработанной тактике и попытаться привлечь часть представителей традиционного аппарата на местах к руководству "самоуправляющимися" административными единицами низших уровней. Предпосылкой государственного регулирования становилось, таким образом, сотрудничество местных "кадров" и партийных органов, чтобы на этой основе создать эффективную и преданную Гоминьдану администрацию.

Вряд ли можно было квалифицировать как "диктаторские" или "карательные" предпринимаемые гоминьдановским центром политико-административные, образовательные, экономические меры, которые были нацелены на проведение в жизнь сформулированных Чан Кайши в середине 30-х годов основных принципов общественного регулирования: "управления", "образования", "обеспечения" и "обороны"⁴⁶. Причем особая роль в реализации этих принципов отводилась самоуправлению. Привлечение народа к самоуправлению было неразрывно связано с воспитанием в духе национализма, преданности революции, поклонения традиционным ценностям. В планах Чан Кайши по развитию трех областей – образования, военного дела, экономики, особое внимание уделялось изменениям в психологии народа, его моральному состоянию, а также преодолению негативного отношения населения к государству. Для превращения несбалансированной экономики страны в свободную и независимую, способную решить задачи национальной обороны, партия, по мнению Чан Кайши, должна была осуществлять политическую власть, в отличие от капиталистических стран, где политика подвергалась воздействию со стороны экономики и находилась под ее контролем⁴⁷.

Помноженная на волю и моральный дух народа укрепленная государственная власть, по представлениям китайских лидеров, позволяла активно приступить к реализации экономических проектов военного времени. С одной стороны, экономические рычаги сосредоточивались в руках государства, укреплялись финансовая система и контроль за банковской деятельностью, вводились военные налоги. И, с другой – в экономической политике первостепенную роль играли мероприятия по созданию новых источников финансовых средств и материальных ресурсов посредством всемерного стимулирования производства в тыловых районах, не исключая, а, наоборот, приветствуя и поддерживая частное предпринимательство в промышленности и торговле, обеспечивая возможность льготного субсидирования производства, предоставления сырья и даже участвуя в развитии промышленных объектов через создание акционерных предприятий с определенной долей государственных вложений.

Процесс централизации государственного управления в начальный период войны был весьма противоречивым. В январе 1938 г. была утверждена "Программа реорганизации Военного совета", который, кроме подразделений военного командования, включал в себя департаменты тяжелой и легкой промышленности, торговли, международных связей, гражданской обороны. Практически, этот орган превратился в Ставку, обладавшую всей полнотой исполнительной власти в чрезвычайный период. Но достигнутая в первые годы войны высокая степень концентрации власти в центре, тем не менее, не влекла за собой очевидного перехода к установлению жесткого диктаторского режима ни самого Чан Кайши и военных, ни партийной верхушки в целом.

Это касалось и социально-политической сферы, возможности и неизбежности перехода к огосударствлению экономики, хотя были созданы предпосылки для активизации регулирующих функций государства. Нормативные документы властей, а также централизация экономического, в частности финансового, контроля объективно могли создавать предпосылки для перехода к всеобщему огосударствлению экономики. Однако реальная политика в области административного строительства и в сфере экономиче-

⁴⁶ Ли Цзунхуан. Теория и практика местного самоуправления (на кит. яз.). [Б.м.], 1939, с. 17–18.

⁴⁷ Там же, с. 18.

ской стратегии зависела от хода борьбы группировок в гоминьдановском руководстве. В политических играх очевидное преимущество имели "невоенные" группы – творцы политики "сбалансированной экономики" и сторонники демократических перемен в партии, хотя и среди них не было единства. В первые годы войны власти стремились к реализации смелых хозяйственных экспериментов приверженцев концепции "разумной" (т.е. ограниченной) роли государства, смешанной экономики, к поддержки частного предпринимательства, мелкокрестьянского хозяйства.

Наиболее жесткую позицию в выборе методов государственного регулирования и предпринимательства занимали близкие к Чан Кайши группировки военных, безусловно, оказывавших давление на органы экономического контроля и кредитно-финансовые учреждения через созданную централизованную систему военного управления. Но их позиция уравнивалась политикой, проводимой видными прогрессивными экономистами, добившимися влияния на вырабатываемую Национальным правительством стратегию.

Настоящим побудительным мотивом для изменения политики экономического регулирования стали не военные события, а стихийные бедствия в юго-западных районах страны, случившиеся в 1939–1940 гг. Уменьшение товарной массы зерна к началу 1940 г. привело к нарушению сложившихся механизмов, мощному росту цен на рис и всплеску инфляции. В результате власти решились на меры по усилению "мобилизационности" госрегулирования: в марте 1941 г. было принято решение о возвращении поземельного налогообложения в ведение центральной власти (с 1928 г. доходы от земельного налога направлялись в распоряжение провинциальных правительств – это был компромисс Нанкина с местными милитаристскими лидерами. – В.К.) и взимании этого налога в натуральном исчислении.

О нарастании беспокойства центральной власти относительно эффективности системы регулирования и контроля свидетельствовало обнародование в мае 1942 г. "Закона о всеобщей мобилизации", объявившем гоминьдановское правительство главным "регулятором" экономической жизни, что обосновывало, разумеется, любое вмешательство властей в сферу "мобилизационной деятельности". Этот закон свидетельствовал и о вполне понятном в условиях войны стремлении центральной власти к реализации более жесткой государственной политики в деревне и в городе. Но в конкретных условиях гоминьдановского тыла усиление давления государства на население приводило не к увеличению доходов и повышению роли власти в справедливом распределении, а зачастую к злоупотреблениям со стороны работников местной администрации, с успехом превращавших любую инициативу правительства в выгодное для собственного обогащения предприятие. Существуют расчеты, согласно которым к 1943 г. Чунцин достиг пика максимально возможных изъятий из деревни⁴⁸. Это вынуждало правительство вполне в духе прежних местных правителей – милитаристов – ужесточить политику в аграрной сфере: с лета 1943 г. была введена практика принудительных займов зерна, в дополнение к уже взимавшимся налогам и обязательным закупкам. Но и эта мера не принесла ожидаемого эффекта⁴⁹.

Недостаточно высокая экономическая эффективность принятых мер вынудила правительство прибегнуть к дальнейшему усилению государственного регулирования в сфере торговли. Именно в 1942 г. государство возродило свойственную императорско-

⁴⁸ Расчеты показывают, что двукратное повышение налоговой ставки в натуральном исчислении летом 1942 г. позволило увеличить объем собираемого всего лишь на 45,2%. Учитывая поступления от обязательных закупок, общий объем зерновых, поступивших в этот период в распоряжение правительства, превысил аналогичный показатель предыдущего года на 58,2%. См.: Лю Чжунлинь. К слову о проблеме ставок и бремени поземельного налога в натуральной форме 1942 г. – полемика с товарищем Чжу Юйсяном (на кит. яз.). – Исследования новой истории, 1987, № 4, с. 294.

⁴⁹ Правительству удалось навязать населению только треть выпущенных облигаций под зерновые займы, и, включая эти поступления, оно сумело обеспечить общие поступления от налогов, закупок и займов в объеме не более 50% от запланированного: Young A.N. Op. cit., p. 25.

му Китаю практику монопольных продаж жизненно важных предметов первой необходимости – соли, спичек, сахара и прочих товаров⁵⁰. Кроме того, в 1942–1943 гг. в гоминьдановской налогово-финансовой политике произошел поворот "лицом к городу": усилилась роль администрации в сборе прямых налогов, усложнилась акцизная система, изменилась старая система фиска, введены новые виды налогов, все более насильственный характер приобретала практика распространения внутренних займов и облигаций. В ходе реализации программ "совершенствования" налоговой системы и способов сбора налогов проявились процессы разложения бюрократического аппарата. Печальным итогом городской политики властей стала тенденция к масштабному сокращению производства на частных предприятиях в 1943–1944 гг.⁵¹

Проявившиеся в годы войны методы хозяйственного регулирования гоминьдановской администрацией свидетельствовали о довольно быстром и неизбежном переходе Гоминьдана к применению традиционных насильственно-бюрократических приемов управления и хозяйственной деятельности, свойственных прежним провинциальным милитаристским режимам. Сложилось так, что отступивший в результате японской агрессии в аграрные периферийные районы страны гоминьдановский режим втягивался в существовавшую социально-экономическую модель, приспосабливался к ней, наследуя "болезни" периферийной политической жизни. Формирование на существовавших структурах управления мощных государственно-партийных "наростов" привело к дальнейшему снижению и даже к значительному ограничению степени гоминьдановского контроля на местах. Но чунцинские лидеры, вероятно, слишком понадеялись на собственную роль носителей "священной миссии" создателей нового Китая, на высокую сознательность и патриотический подъем населения; правительственными стратегами были переоценены способности партии в кратчайшие сроки "воспитать" население, завершить модернизацию периферийной хозяйственной структуры, привести в равновесие отношения между государством и обществом, скрепленные общим делом – освобождением страны от оккупантов.

Наполненные идеями сотрудничества государства и национального капитала экономические концепции Чунцина были тесным образом связаны с планами политического переустройства, предполагавшими ориентацию на "доброе" и "идейное" чиновника и систему партийной власти. Программы Гоминьдана не могли быть реализованы в жизни без установления реального социально-политического контроля со стороны сильного государства. Именно реальной потребностью общества в дееспособном государстве, а не только поиском способа разрешения бесконечного "морального кризиса" были продиктованы назидательные поучения Чан Кайши в "политической Библии" Гоминьдана – книге "Судьбы Китая", вышедшей в 1943 г. Залогом успешной экономической реконструкции были два фактора – политическая власть партии-государства и изменения в психологии народа, его моральном состоянии⁵². Именно за налаживание "рационального", но строгого контроля выступали в 1945 г. китайские экономисты, которых очень трудно было уличить в симпатиях к режиму⁵³.

Таким образом, гоминьдановская власть, воспринимаемая многими как мобилизационная машина диктаторского режима, на деле оказалась слабой для действительно революционных изменений. Итоги политики Национального правительства резко контрастировали с эволюцией КПК, которая, как уже упоминалось выше, формально подчиняясь решениям Чунцина и, входя в единую военную структуру НРА вплоть до

⁵⁰ По данным минфина, приводившимся А. Янгом, соляная монополия вплоть до конца войны не приносила значительных доходов, гораздо выгоднее было продолжать ориентироваться на соляной налог, который после 1945 г. полностью отодвинул монополию на задний план: *Young A.N. Op. cit.*, p. 36.

⁵¹ Подробнее см. Материалы исследований по экономической истории Китая нового времени (на кит. яз.). Шанхай, 1984, с. 167–168.

⁵² *Chiang Kai-shek. China's Destiny and Chinese Economic Theory.* New York, 1947, p. 160–162.

⁵³ *У Даньгэ.* О системе управления промышленностью военного времени (на кит. яз.). – Промышленность Китая. Чунцин, вып. 29, 1945, с. 11.

окончания войны и начала переговоров о коалиционном правительстве в 1946 г., использовала антияпонскую борьбу и "символику национализма" для собственного укрепления и развития. КПК не были свойственны идеалистические представления о "забытых моральных качествах" китайского народа: разрабатывая с 1939 г. стратегию "новой демократии" ради завоевания власти под националистическими (для внутреннего пользования) и демократическими (для внешнего мира) лозунгами, КПК в 40-х годах успешно проводила одну за другой кампании чисток в рамках "движений по упорядочению стиля работы", устанавливала свою, более жесткую, систему власти, следуя гибкой тактике в борьбе с японскими оккупантами. Распространяя свое влияние в районах Северного Китая, коммунисты, пользуясь тем, что японцы не смогли заполнить политический вакуум власти на оккупированных территориях, проникали на "освобожденные" земли и устанавливали собственную власть. Будучи более настойчивой в реализации фискальных функций, КПК во время войны продемонстрировала способность и к более эффективному, чем Чунцин, хозяйственному регулированию. Наконец, и во время войны, и на этапе освобождения Маньчжурии осенью 1945 г. от японских войск, КПК пользовалась всемерной поддержкой Москвы, обеспечившей захват маньчжурской базы войсками 8-й армии под руководством коммунистов.

ПРОБЛЕМА "ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ" И ОТНОШЕНИЕ К ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ

Широкомасштабная агрессия Японии подтолкнула руководство Гоминьдана к активному отражению агрессии. В начале войны все надежды китайского правительства были обращены к великим державам, которые, как полагали в Китае, могли остановить японскую агрессию. Заявления Чан Кайши и решения Чрезвычайного съезда Гоминьдана в марте 1938 г. – красноречивые тому свидетельства. Прошла мобилизация армии, было создано пять военных зон и поначалу практически ни одна из военно-политических группировок не осмелилась пойти на открытый отказ от национальной цели освобождения от японской оккупации. Была объявлена, по сути, "всеобщая" война, которая отражала осознание элитами и населением необходимости военной мобилизации и сопротивления оккупантам. Перед Национальным правительством стояла задача объединения всех политических сил, включая и самостоятельных местных лидеров.

В специальной литературе принято определять степень милитаризации общества уровнем участия населения в приготовлениях к войне⁵⁴. Этот уровень достигается путем усиления пропаганды национализма и патриотизма, формируются особые ценности, связанные с военной службой и безопасностью страны. В какой степени правящие круги и население Китая рассматривали сопротивление японской агрессии как "тотальную войну"? И была ли для Китая война сопротивления "тотальной войной"? Следует отметить, что если агрессивные планы Японии основывались на определенных идеологических, политических и экономических интересах, то при рассмотрении истоков и характера китайского сопротивления японской агрессии необходимо учитывать целый ряд противоречивых факторов. С одной стороны, иностранное вмешательство и война расценивались в массовом сознании китайского общества как продолжение агрессивной политики империалистических государств по порабощению, захвату и расчленению страны, и такая их политика непосредственно увязывалась с наследием эпохи "неравноправных договоров" (40–60-е годы XIX в.) и установлением "сфер влияния" в Китае, порождая ущемленное чувство "нации-жертвы", стремящейся подняться и дать отпор посягающим на ее независимость иностранцам. С другой стороны, в сознании китайцев иностранцы, в частности представители японской нации, ассоциировались не только с источником позора и угнетения, но и с носителем передовых ценностей и идеологии. Китайские интеллектуалы черпали новые идеи в Японии, бурно развивавшейся в последней трети XIX – начале XX вв. Для представителей китайских элит японцы вопло-

⁵⁴ Regan P.M. Op. cit., p. 1–2.

щали в себе умение успешно осуществлять модернизацию экономики во имя величия нации.

Кроме того, государственно-политическое устройство в Китае базировалось на "милитаристском" типе его организации. Эта система подразумевала существование сложной иерархии соподчинения военно-политических структур различного уровня. Милитаристская модель правления, сложившаяся в Китае первой половины XX в., отличалась тем, что модернистские усилия военных элит на региональном уровне парадоксальным образом сочетались с консервацией традиционных политико-социальных структур и архаичной фискальной системы. Постоянные войны 1910–1930-х годов, которые вели между собой региональные милитаристы, подрывали веру крестьянства в способность государства обеспечить порядок и установить справедливое налоговое бремя. Поэтому к началу войны с Японией у широких народных масс, уставших от беспрерывных войн милитаристов, сложилось отрицательное отношение и к военным, и к государству, а это, как известно, является одной из важнейших предпосылок для мобилизации⁵⁵.

Большая часть "нанкинского десятилетия", считавшегося наиболее плодотворным в становлении новой государственности в Китае⁵⁶, прошла под знаком "умиротворения внутренней смуты", что также не способствовало позитивному восприятию войны населением. Люди ждали порядка и стабильности, независимо от того, какая политическая сила прекратит постоянную смену местных режимов и изменение фискальных "правил игры". Это могло определять нейтральное (если не позитивное) отношение местного населения в различных районах страны к "сильной руке", будь это коммунисты или даже японская администрация.

Кроме того, непрерывные милитаристские распри и постоянное балансирование на грани войны с Японией создавали в Китае эффект "ожидания войны". Ожидание войны в массовом сознании само по себе могло стать причиной вооруженного конфликта⁵⁷. Превращение военного противостояния с мощной армейской группировкой японцев в Северном Китае в привычное состояние снижало эффективность мобилизационных усилий правительства, порождало пораженческие и пацифистские настроения, в частности, в рядах бюрократии и городских слоев. Надежды на помощь западных держав также оказывались тщетными: уже в начале 1930-х годов японцев воспринимали на Западе как успешных стратегов и удачливых предпринимателей, сумевших в короткий срок наладить эксплуатацию богатого ресурсного потенциала Северо-Восточного Китая⁵⁸.

Проблема неподчинения в Национальной армии была существенным фактором, влиявшим на действенность антияпонского сопротивления. Центральное командование пыталось бороться с неподчинением жесткими методами. Известны случаи вынесения смертных приговоров военным трибуналом за неподчинение приказам Верховного главнокомандующего. Так, в начале войны генерал Ли Фуин в северной провинции Шаньси произвел эвакуацию города Датун без приказа сверху, за что был казнен. В конце 1937 г. командующий войсками в провинции Шаньдун и губернатор этой провинции генерал Хань Фуцю вопреки приказу начал отступление на запад в направлении провинции Шэньси. В январе 1938 г. он также был казнен по постановлению трибунала. В конце 1940 г. войска генерала Ши Юсяня (губернатора Чахара) должны были быть выведены в западную Хэнань, но военные не только не покинули восточную часть провинции, но и продолжали взимать поборы с местного населения, за что генерал был осужден

⁵⁵ Ibid., p. 2-3.

⁵⁶ Козырев В.А. Особенности консолидации гоминьдановского режима в период "нанкинского десятилетия". – Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004.

⁵⁷ Эта версия изложена Г. Олпорт в его теории "ожидания войны" – ожидания как причины войны: Allport G.W. The Role of Expectancy. – Tensions that Causes Wars. Urbana (IL), 1950; Granberg D. War Expectance and Evaluation of a Specific War. – Journal of Conflict Resolution, v. 13, New Haven, 1969, p. 546–549.

⁵⁸ Diplomats in Crisis: United States – Chinese – Japanese Relations, 1919–1941. Santa Barbara (Calif.), 1974, p. 7–117.

трибуналом. Инцидент "с Новым 4-м корпусом" 18 января 1941 г. также произошел по причине ослушания командующим Е Тином приказа Верховного главнокомандующего отвести войска к северу от р. Янцзы до конца декабря 1940 г.

Нельзя не отметить различное отношение к войне среди китайских солдат и офицеров. Крупномасштабные сражения первых полутора лет войны продемонстрировали героизм китайских защитников, способных бесстрашно идти в лобовую атаку с противником, который старательно их избегал. Много писали о героизме китайских рыбаков, помогавших снабжать китайскую армию необходимыми материалами и боеприпасами даже после объявленной японским командованием в начале 1938 г. морской блокады китайского побережья на всем его протяжении⁵⁹. С началом войны повсеместно также создавались патриотические организации, на которые опирались, например, коммунисты, учреждая новые органы власти в освобожденных районах в тылу противника. Интересно, что руководителями таких организаций были местные лидеры, представители влиятельных элит, и даже начальники уездов⁶⁰.

Между тем, представляется, что все-таки мотивация поступков солдата на войне определялась не идеологическими приоритетами, а в большей мере личной преданностью солдата старшим по званию, либо зависимостью от них. Зачастую бывало, что, как и в предшествующие годы, войска НРА комплектовались из довольно разношерстной публики, немалую долю которых составляли люмпенско-пауперские слои, подавшиеся служить, как подмечал В.И. Чуйков, "за ложку риса"⁶¹. В этом отношении более благополучными считались армии, находящиеся под непосредственным командованием Чан Кайши, либо подчинявшиеся бывшему губернатору провинции Шаньси Янь Сисяню, наиболее влиятельному командующему.

Таким образом, в китайском варианте "тотальной войны" были свои особенности. Во-первых, раскол в правящей гоминьдановской верхушке относительно условий мира с Японией привел к формированию марионеточного режима Ван Цзинвэя в Шанхае, что оказалось серьезным ударом по организации единого антияпонского фронта и в какой-то степени способствовало подрыву авторитета Гоминьдана как стойкого лидера национального сопротивления. Во-вторых, сами чунцинские власти в течение всего периода войны не оставляли возможности все-таки договориться с Токио⁶². В-третьих, военные действия, в основном, затронули районы Восточного, Центрального, Северного Китая, где, вследствие японской тактики "точечного контроля территории" непосредственными жертвами агрессии стали жители городов и поселков, деревенские жители бывших гоминьдановских районов не рассматривали смену высшей власти как что-то из ряда вон выходящее. Различные слои населения в отдельных районах по-разному испытывали тяготы войны и воспринимали ее. Все это накладывало отпечаток на характер социального протеста, партизанского движения, а также на взаимоотношения между населением и захватчиками.

Считается, что гоминьдановское руководство опасалось мощного подъема народной войны и потому полагало, что партизанская война должна была играть вспомогательную роль в организации сопротивления противнику. На наш взгляд, это не совсем так. Говоря о сочетании партизанской и позиционной войн, Чан Кайши не представлял, каким образом он мог бы контролировать разрозненные действия партизанских отрядов,

⁵⁹ А.Я. Калягин приводит официальные данные о том, что за 14 месяцев блокады было уничтожено около 10 тыс. рыбаков и потоплено более 600 джонок, перевозивших необходимые китайскому командованию грузы: *Калягин А.Я. Указ. соч.*, с. 104–105.

⁶⁰ Например, начальник уезда Утай в пограничном районе Шаньси – Чахар – Хэбэй прослыл известным организатором патриотически настроенного населения, возглавив антияпонскую организацию Симэнхуэй: *Китай в период войны против японской агрессии*, с. 48.

⁶¹ *Chuiikov V. Mission to China. Memoirs of a Soviet Military Adviser to Chiang Kai-shek. Norwalk (CT), 2004, p. 37.*

⁶² *Meizhen H., Hanqing Y. Nationalist China's Negotiating Position During the Stalemate, 1938–1945. – Chinese Collaboration With Japan, 1932–1945: The Limits Of Accommodation. Stanford (Calif.), 2001, p. 56–76.*

очень напоминавших действия традиционных войск местного ополчения, действовавших на деревенском уровне и подконтрольных местным неформальным лидерам. Больше опыта в этом смысле было у КПК, которая с конца 20-х годов непрерывно вела партизанские войны против самого гоминьдановского режима и поддерживавших его милитаристов. Поэтому в развертывании партизанской борьбы большую роль сыграли представители коммунистического военного руководства и многие партизанские отряды становились основой так называемых "освобожденных районов" на формально оккупированной территории.

Следует оговориться, что у КПК не было "монополии" на руководство партизанским движением. Тем не менее, уже на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Лочуане (Шэньси) в августе 1937 г. было решено развернуть партизанскую войну против агрессоров независимо от Гоминьдана. Но и у НРА существовал метод засылки в тыл японцев отдельных регулярных частей для ведения "комбинированной" войны: уже в декабре 1937 г. адмиралом Шэнь Хунле, оборонявшим Циндао, был совершен дерзкий рейд подразделением подобных "ополченцев" и моряков, основавшим опорную базу в тылу японских войск⁶³. Но лидеры КПК, уже будучи объединенными для оказания сопротивления агрессору, делали упор на вызывавших большие дискуссии "комбинированных методах" борьбы, обвиняя Гоминьдан в чрезмерном увлечении позиционными сражениями.

Расширение партизанской войны позволяло формировать вооруженные отряды из регулярных частей подконтрольных КПК армий для закрепления на границах провинций и создания антияпонских опорных баз. В частности, уже в ноябре 1937 г. была образована такая база на стыке провинций Шаньси, Чахар, Хэбэй, где устанавливалась выборная власть с обязательной процедурой одобрения провинциальной и центральной властей, но под влиянием КПК. В последующем, ввиду того, что основные силы японской армии были сосредоточены в центральных районах Китая, у коммунистов появилась возможность расширить свое присутствие в тылу японских войск, в основном в деревенских районах, где отсутствовали регулярные гарнизоны противника⁶⁴.

Такое распространение партизанских методов борьбы в Северном Китае заставило оккупационные власти уже в декабре 1937 г. приступить к широкомасштабной карательной экспедиции по "зачистке" оккупированных территорий. Экспедиция, в которой было задействовано более 3000 японских военнослужащих, продолжалась месяц на территории провинции Шаньси, так и не достигнув поставленных японским командованием целей – "разобраться" с партизанами и убедить население в пользе сотрудничества с новыми властями. Более того, японская карательная операция еще более укрепила коммунистическое руководство партизанским движением во мнении, что следует активно укреплять опорные базы и партизанские районы⁶⁵.

Вместе с тем, стремясь к захвату Китая по частям, японские захватчики старались расставлять приоритеты в своей оккупационной политике. Корректируя свою стратегию в Северном и Центральном Китае, японцы все больше склонялись к принципу "сотрудничества с местными режимами", что вело к созданию местной марионеточной администрации. Интересно, что в районах, где были организованные коллаборационистские местные власти, японские военные вели себя очень дисциплинированно. Британский писатель У. Чемберлен отмечал, что, несмотря на то, что "в городах Северного Китая японцы вели себя скверно, в Бэйпине и Циндао, где города были сданы без сопротивления, поведение их было прекрасным"⁶⁶. Все это свидетельствовало о том, что интервенты рассчитывали на поддержку со стороны официальных китайских властей на основе вышеупомянутых принципов: присоединение Китая к державам оси и борьба с

⁶³ Китай в период войны против японской агрессии, с. 35.

⁶⁴ Там же, с. 58.

⁶⁵ Сапожников Б.Г. Указ. соч., с. 88–89.

⁶⁶ *Lu Liu. Op. cit.*, p. 29.

коммунизмом, признание марионеточных государств в Китае, "особые" экономические отношения с Японией, присутствие японских войск в ключевых пунктах Северного Китая и Монголии.

Необходимо отметить, что формирование марионеточных режимов в начальный период войны оказалось весьма успешным. Уже к концу 1937 г. были созданы марионеточные власти двух провинций Внутренней Монголии – Чахар и Суйюань, под наименованием "независимого правительства Внутренней Монголии", которое в ноябре 1937 г. было объявлено "федеральным автономным правительством Монголии", функционировавшим под контролем Квантунской армии⁶⁷. Еще одной формой создания марионеточной администрации стало образование так называемых "комитетов общественного спокойствия", которые создавались в крупных городах: в августе 1937 г. таковые были созданы в Бэйпине и Тяньцзине. На их основе, например, в Шаньдуне, было вскоре сформировано свое "автономное правительство", которое должно было, как и другие местные "правительства", перейти под контроль единого "независимого" правительства Китайской республики⁶⁸.

В марте 1938 г. японцы, опираясь на ряд политических деятелей бывших милитаристских группировок Северного Китая, создали первое правительство в оккупированном Нанкине. Во главе администрации встал Лян Хунчжи⁶⁹, и его власть фактически распространялась на городские центры провинции Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой. Он был популярен, со слабой администрацией и остатками отрезанной японцами отступавшей на юго-запад китайской Национальной армии. Т. Брук охарактеризовал режим Ляна как «амальгаму из выживших старых деятелей клики "Аньфу" и гоминьдановских диссидентов Южного Китая»⁷⁰. Поэтому японцы практически не задумываясь сменили режим Лян Хунчжи на правительство Ван Цзинвэя, согласившегося на союз с Японией ради окончания войны. 30 марта 1940 г. было объявлено о создании "реорганизованного правительства Китайской республики" в Нанкине, которое пришло на смену Лян Хунчжи.

Следует отметить, что было бы ошибкой трактовать переход Ван Цзинвэя на сторону Японии как беспринципный коллаборационизм, "предательство" интересов китайской нации. "Новая политика" Вана в отношении Японии стала, по сути, новой интерпретацией прежней концепции Чан Кайши, нацеленной на решение внутренних проблем ради будущего урегулирования внешних. Уже после перехода на сторону Японии в конце 1938 г. Ван последовательно проводил линию на усиление своего правительства и обретение суверенных прав и независимости. Трагедия китайского "миротворца" состояла в том, что заверения относительно того, что его правительство – "надежный союзник" Японии, которому можно доверять и в политическом, и в военном отношении, не воспринимались в Токио серьезно. В действительности Токио вовсе не собирался сокращать свое присутствие на юге страны и в Центральном Китае, ожидая высадку американских войск и сохраняя свое присутствие в прежнем объеме. Практически японцы продолжали связывать свой уход и подписание японо-китайского мира с состоянием отношений с Чунцином, и к моменту смерти Вана Цзинвэя в ноябре 1944 г. его режим уже не играл никакой роли в японских планах. По словам Д. Барретта, Ван Цзинвэй "...никогда не намеревался стать марионеткой, но он по собственной воле поставил себя в такое положение, из которого оказалось невозможным найти путь к побегу"⁷¹.

⁶⁷ Китай в период войны против японской агрессии, с. 96.

⁶⁸ Там же, с. 97.

⁶⁹ Лян Хунчжи был активным деятелем группы "Аньфуистов", возглавлявшейся прояпонски настроенным милитаристским деятелем Дуань Цижунем. Его политическая карьера фактически завершилась с образованием единого нанкинского правительства в 1928 г., и только в 1938 г. он был снова востребован японцами в планах политического переустройства оккупированного Китая.

⁷⁰ Brook T. The Creation of the Reformed Government in Central China, 1938. – Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945, p. 91.

⁷¹ Barrett D.P. Introduction: Occupied China and the Limits of Accommodation. – Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945, p. 8.

Иными словами, китайский коллаборационизм не был таковым в "вишистском" понимании. Даже такой слабый в политическом отношении, как режим Лян Хунчжи стремился создать видимость самостоятельности. В документах об образовании правительства исключалась возможность создания зависимого от японцев государства-марионетки, а высшей целью провозглашалось единство *независимого* (курсив наш – В.К.) Китая, хотя и по-новому строящего свою политику с Токио⁷².

В первом комплексном исследовании коллаборационизма в Китае в период войны Дж. Бойл обратил внимание на двоякое отношение китайского населения к оккупантам. Для любого жителя оккупированных территорий проблема морального выбора (сотрудничать или сопротивляться) стояла действительно остро. Марионеточные режимы были не просто навязанными извне образованиями. Они подразумевали наличие обусловленного разными причинами "встречного движения" со стороны представителей китайских элит и в городе, и в деревне⁷³.

Но это "встречное движение" могло быть различной интенсивности. Если подходить к коллаборационизму с точки зрения "диалога", то можно говорить о том, что коллаборационизм не всегда означает "не сопротивление". Обычно в периоды войны выделяют либо категорию защитников, либо группы сотрудничающих с оккупантами, не обращая внимания на то, что находится в середине между этими двумя полюсами. Более того, те, кто идет на сотрудничество с оккупантами, вряд ли являются просто жертвами обмана со стороны последних. Взаимодействие коллаборационистов и оккупантов очень часто основано на отношениях, которые меняются в зависимости от состояния или смены власти. В результате коллаборационисты почти никогда не добиваются результатов, каких требует от них оккупационный режим⁷⁴.

Поэтому в отношении китайского коллаборационизма следует различать коллаборационизм как таковой и коллаборационистское поведение⁷⁵. Для японской стороны, стремившейся к обретению так называемых "символических" ресурсов, обеспеченных только осознанным сотрудничеством со стороны местного населения, основной проблемой являлось налаживание такого сотрудничества на низовом уровне, чего они и добивались либо посредством принуждения, либо предоставлением финансовой поддержки. Но практически нигде оккупационные силы не ощущали со стороны населения желания и активного участия в коллаборационизме на базе принимавшихся местным населением обязательств или по идеологическим соображениям. У японских агрессоров не было такого символического ресурса, который мог бы пересилить волю к сопротивлению, направленную на отрицание любого иностранного вмешательства. Но, самое главное, японская администрация так и не смогла решить проблему контроля на местах, которая в первую очередь зависела от кадровой проблемы.

Многие склонялись к коллаборационизму не из-за отсутствия патриотизма или недостатка национального самосознания. Они просто принимали решения на основе своего накопленного опыта, связанного с судьбами их семей, спецификой социальных отношений и личным интересом. К. Шоппа справедливо заметил, что в целом в Китае были представлены все типы коллаборационизма, выделенные В. Рингзом в его исследовании гитлеровской Европы, однако причину заинтересованности части китайской элиты в соглашательстве с японцами следует искать именно в политическом, социальном и экономическом контексте довоенных лет⁷⁶.

⁷² См., например, "Манифест об образовании правительства реформ": *Brook T.* Op. cit., p. 85–86.

⁷³ *Boyle J.* China and Japan at War: The Politics of Collaboration. Stanford (Calif.), 1972.

⁷⁴ *Brook T.* Op. cit., p. 82–83.

⁷⁵ *Barrett D.P.* Op. cit., p. 8.

⁷⁶ *Schoppa R.K.* Patterns and Dynamics of Elite Collaboration in Occupied Shaoxing County. – Chinese Collaboration with Japan, 1932–1945, p. 177–178. См. также работу В. Рингза: *Rings W.* Life with the Enemy: Collaboration and Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945. New York, 1982.

ВЫВОДЫ

Особенности милитаризации китайского общества и взаимоотношения власти гражданской и военной, власти и населения оказывали воздействие на способность Китая вести "тотальную войну" против Японии. Военная слабость нанкинского режима привела к тому, что "тотальная война" в китайском варианте превратилась в многолетнюю изнурительную кампанию, переживавшую периоды всплеска и затишья. Длительное сосуществование с японскими захватчиками привело к небывалому по своему масштабу коллаборационизму, который, впрочем, в целом остался в виде "коллаборационистского поведения". Война породила специфические формы партизанской борьбы, к которым прибегало население и которое организовывалось регулярными войсками. Перемещения и миграции населения обусловили тот факт, что война оказалась мощным стимулом, "растопливающим" региональный менталитет жителей, заставлявшим их отказываться от своей местной идентичности, в особенности в оккупированных районах. Вместе с тем, эвакуация промышленных предприятий, институтов, организаций, а также отток населения на юго-запад – все это придавало новый смысл регулирующей деятельности государства, которое становилось символом идей сопротивления и национальной реконструкции. Медленное отступление в тыловые районы страны позволило гоминьдановской власти провести реорганизацию центрального звена управления, что давало возможность усилить контроль в экономике и мобилизовать население в соответствии с требованиями военного времени.

В новой ситуации война принесла коммунистам шанс к возврату былого влияния. Вытесненные в первой половине 30-х годов в сельские районы Северо-Западного Китая, китайские коммунисты из слабой организации, разбитой и осевшей в пещерах района Шэньси – Ганьсу – Нинся, выросли за годы войны в общенациональную силу, укрепили свои вооруженные силы, заложили основы целостной политической системы в "освобожденных районах". Именно в годы войны сложилась идеологическая и организационно-политическая традиция КПК, повлиявшая на дальнейшую эволюцию политики партии и режима Мао после 1949 г. На волне патриотического подъема и широчайших дискуссий городских слоев по поводу японской агрессии и отношения к ней формировались политические партии, патриотические ассоциации и группировки, закладывались основы для развития демократических, квазитрадиционных, неотрадиционалистских течений, оказывавших влияние на общественное мнение и восприятие войны и ее последствий. Именно в период войны формировались целостные идеологические концепции и "парадигмы развития" основных политических сил страны, возникали новые веяния в духовной и культурной жизни, происходило смешение местных цивилизационных пластов, новых идей и ценностей, проникавших в Китай в условиях тесного партнерства с державами – союзниками по антифашистской коалиции.